

Азарий Коджак

Малоизвестное и забытое

В этом году* Азарию Коджаку (1907–1983) – век. Он был учеником великого Фаворского и близким другом его последователей.

Тихий формалист

Первая и посмертная персональная выставка Азария Коджака состоялась в 1986 году. Был выпущен каталог – единственное до сегодняшнего дня обобщение творческого пути Коджака. В 1999 году произведения Коджака заполнили все залы галереи «На Солянке», где прошла его персональная выставка «Сны о Ялте». Тогда «Независимая газета» опубликовала рецензию под заголовком «Тихий формалист Коджак», что довольно точно соответствовало сути этого художника.

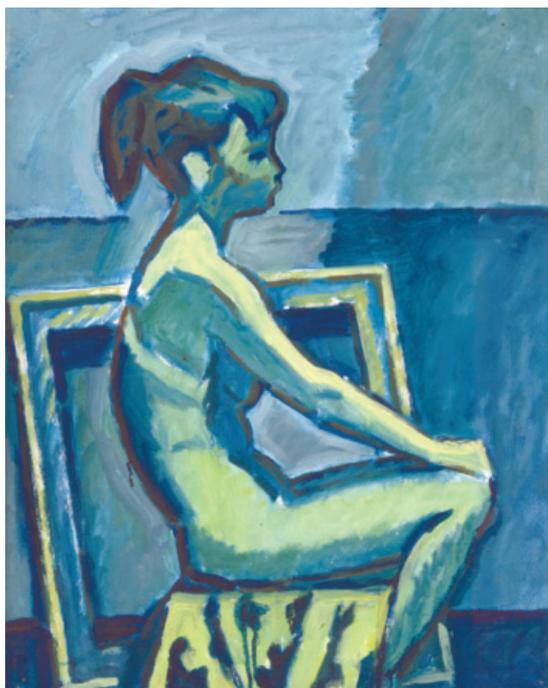
Работы Коджака, которые в 60-е годы читающая публика знала (а это книжные

иллюстрации к Фолкнеру и Радищеву, оформление патриотической книжки «Четвертая высота» о Гуле Королевой, сборника «Японская новелла» или книги румынского соцреалиста Филимона «Старые и овые мироеды»), теперь почти забыты. И вот после того, как вдова художника скончалась в феврале 2007 года в возрасте 95 лет, открылся колоссальный неизвестный пласт творчества Азария Коджака – выполненные в разные годы, с 30-х по 80-е, маслом, гуашью и размытой тушью изображения обнаженных моделей, как мужских, так и женских.

Параллели

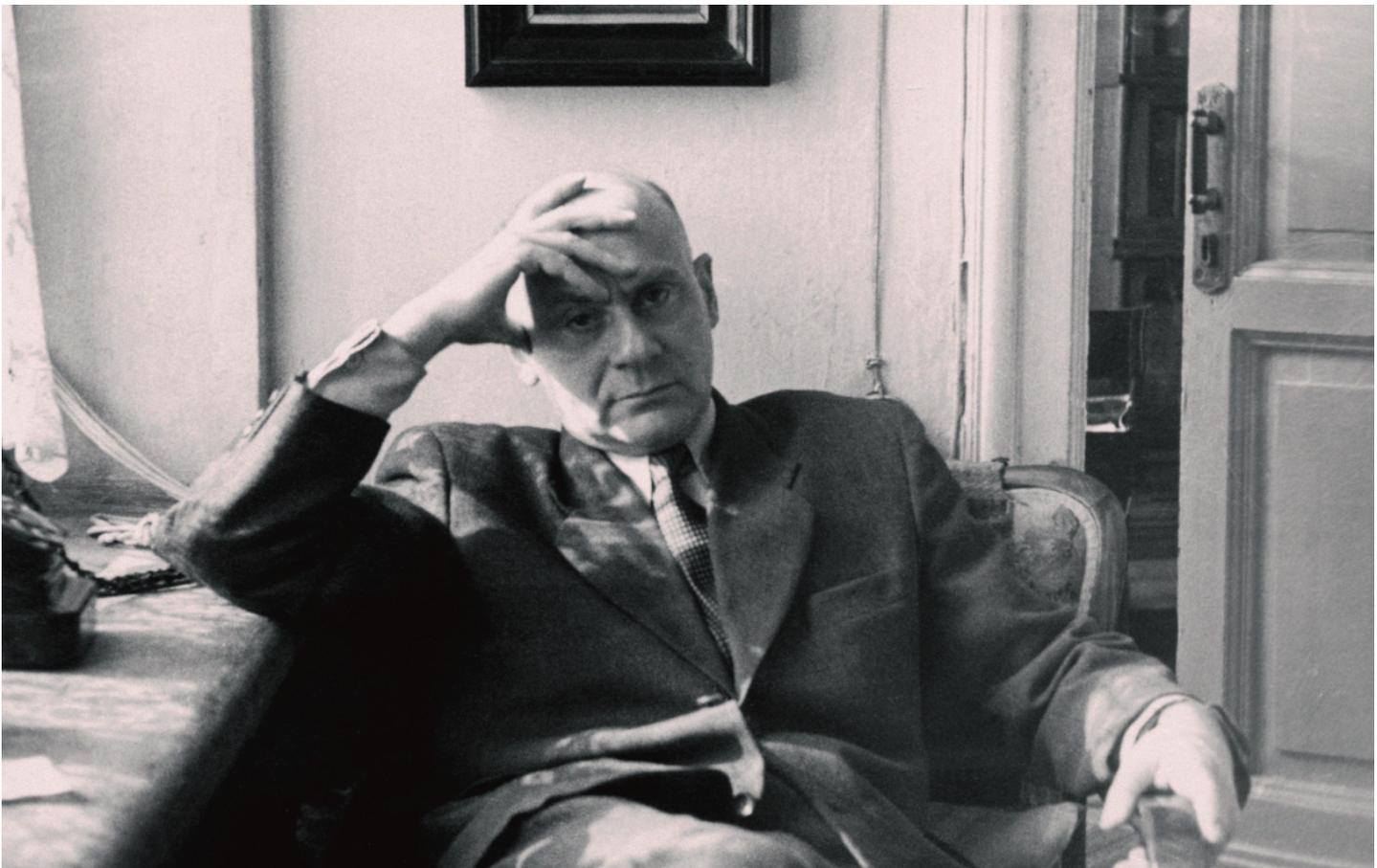
Он работал упорно и неустанно, скромно и преданно, максимально удаляясь от внешнего мира. Теперь это принято называть андеграундом. Первый рисунок из архива Коджака с обнаженной натурой датируется 1934 годом. В модели нетрудно узнать молодую супругу художника. Тщательно и детально, тонким, твердым карандашом Коджак прорисовывает, словно проволокой выписывает сидящую спиной женскую фигуру, изящно изогнутую на смятой кровати, ковер на стене, полупрофиль, пальцы оперевшейся руки. Чем дальше, тем больше Коджак будет уходить от детализации, сосредотачиваясь на обобщенности. В этих произведениях угадывается стремление к французской легкости и плавности, гармоничности и воздушности Майоля и Матисса.

С кем еще сравнить Коджака? Проще его противопоставить некоторым наиболее известным официальным современникам. К воплощению идеального нового человека в искусстве XX века стремились такие художники, как живописец Александр Дейнека и скульпторы Матвей Манизер и Евгений Вучетич (в Советской России), а в фацистской Германии – скульпторы

Fot. archiwum autora

* Текст написан в 2007 году. В этом году, 15 марта исполнилось 35 лет от смерти художника.

Арно Брекер и Йозеф Торак и другие, ныне считающиеся маргиналами. А в свое время они служили образцами. Азарий был их полной противоположностью. Когда произносились имена Александра Герасимова и Владимира Серова, он готов был забиться в угол.

Но и у нас, и у них были и такие, которые противостояли тоталитарным художникам в дискуссии о форме. В этой дискуссии Азарий Коджак наряду с другими сверстниками тихо сказал свое слово. Он показал, что и неидеальное может быть прекрасным. Увидел возвышенное в повседневном.

В каком-то смысле стилистика Коджака сравнима с вызовом, брошенным Пикассо нацистской гигантомании. Разломанные формы «Девушек из Авиньона» – другая крайность этой полемики. Обнаженные Азария Коджака оказываются посередине эстетического спора и, как часто бывает с голосами здравого смысла, долго остаются неуслышанными, неувиденными и незамеченными.

Сейчас хочется восполнить этот пробел и сделать так, чтобы художественный голос

Азария Коджака зазвучал в новом, XXI веке. Издательство «Сканрус» при Третьяковской галерее тщательно готовит к 100-летию художника юбилейный альбом, а мы вспоминаем его судьбу.

Повседневность, прекрасная и серая

Коджак умер в 1983 году. К этому моменту я уже учился в Институте иностранных языков, отказавшись от пути в изобразительное искусство. До того примерно два года Коджак – брат моей бабушки – занимался со мной рисунком и живописью. Одновременно мы вели с ним разговоры о жизни, об искусстве, о художниках, о женщинах, о любви и доброте, об истории России.

Когда я рассматриваю картины Коджака, мне вспоминаются слова из песни Окуджавы: «Живописцы, окуните ваши кисти в синеву дворов арбатских и в зарю...» Ведь это Окуджава обращался к дяде Азарию, и тот словно услышал этот призыв. «Синий московский двор» – так называется один из его пейзажей. Коджак рисовал виды

Azarij Kodżak – „W obliczu jego było wszystko nie z tego świata”.

Na stronie obok: Studium ludzkiego ciała było częstym tematem twórczości malarza.

из своего окна и свой двор, свой пиджак и кастрюли на печке, свежие яблоки на столе. Подобно тому, как когда-то Ван Гог увидел прекрасное в своих старых башмаках, Коджак обращается к самым повседневным предметам – пиджаку на спинке стула, вентилятору на шкафу, стогу сена, кистям в банке. Но самое прекрасное он видел в женщинах.

Близкие

К началу 80-х Коджак был больным стариком, стеснялся выставлять свои работы. Общался только с близким ему кругом художников (в основном с соседями по

мастерской на Фрунзенской набережной – графиками), с семьей своей сестры Анны Федоровны. Она была женой члена-корреспондента Академии наук СССР Вацлава Леоновича Кретовича. Все родственники называли его дядя Вацек, а я просто дедом. Дед был человек очень серьезный – профессор и заместитель директора Института биохимии имени Баха АН СССР, основатель советской школы технической биохимии, энзимологии и азотфиксации. К художникам он относился скептически, а порой и насмешливо.

Тем более что Азарий был не единственным в нашем доме представителем этой профессии. Мой отец, художник-монументалист и график, теперь уже профессор Строгановского университета и народный художник России, Герман Вячеславович Черёмушкин в высказываниях и оценках также был довольно прямолинеен. Как говорят американцы, *a man of strong opinions*. Дед же порой выражал мнения, которые художникам не очень нравились. Например, мог похвалить иллюстрации Ильи Глазунова к Достоевскому и сказать: «А вот академику Курсанову понравилось...» Тут начинался страшный скандал. Все начинали кричать, спорить и очень сердиться друг на друга. Но под бабушкиным влиянием дед покупал картины хороших художников.

Бабушка Аня очень любила брата Азария, помогала ему и сочувствовала. Впрочем, она помогала всем своим родственникам в Крыму, в Москве и в Ленинграде. С супругой Азария тетей Лёлей у бабушки были прекрасные отношения, а та, в свою очередь, боготворила бабушку, несмотря на то что очень критически относилась к людям, но и была человеком дореволюционной закалки, как, впрочем, и Азарий, и бабушка Аня.

Азарий и бабушка читали одни и те же книги – Аполлинера, Бодлера, Экзюпери, Эмиля Верхарна. Любили французские кинокомедии и французских художников – Сезанна, Коро, Матисса.

Чем больше проходит времени и чем больше узнаю об Азарию Коджаке из доставшегося мне архива, тем лучше понимаю этого неконформиста, человека, так и не вписавшегося в советский основной поток, в *mainstream*. Он, конечно, был художником очень и очень «французистым», а как говорил писатель Виктор Астафьев, «народ у нас очень нефранцузистый».

Mały Azarij (w słomianym kapeluszu) z najbliższymi. Około 1910 r.

Fot. archiwum autora

Голубой воздух Парижа

После смерти тети Лёли (Елены Константиновны Кузнецовой – жены Азария) в его архиве я нашел очень много книг по французскому искусству, особенно посвященных импрессионистам и постимпрессионистам, нашел фотографии старого Парижа, вырезки из газет, репродукции картин Дега, Эдуарда Мане, Утрилло, фотографии Картье-Брессона. Эскизы иллюстраций к книгам Золя и Мопассана. Впечатляют заставки, где нарисованы колбасы и сосиски, свисающие с прилавков рынка в «чреве Парижа». С особенным смыслом смотрятся эти любовно прорисованные мясные изделия, если принять во внимание, что сделаны они в военной Москве в начале 1942 года. Квартира Азария и Лёли в то время находилась на Малой Молчановке, в том доме, где теперь музей Лермонтова, позади Дома книги, чуть в стороне от шумного Нового Арбата. Здесь в арбатской мансарде он делает бесконечные зарисовки, оформляет книги, читает воспоминания художников, общается с друзьями по цеху.

Конечно, страсть дяди Азария к француско-импрессионистической эстетике мне была известна всегда. При личном общении он многое рассказал мне про импрессионистические принципы, про цвет воздуха, про перспективу, про особенности зрения, искажающие пространство, столь любимые сезаннистами. Но ведь он был оторван от французской жизни советской властью и мог судить о ней только по доходившим до нас иллюстрациям из альбомов издательства Скира. И все же воспроизводил этот дух он довольно точно. Вспоминая, когда впервые в 1993 году я оказался в Париже и увидел этот голубой воздух вокруг домов-комодов барона Османа, мне все время казалось, что Азарий в своем берете, шаркающей походкой должен вот-вот выйти из-за угла – настолько вся атмосфера этого города наполнила о нем.

В то время путешествие за границу, тем более в такую капстрану, как Франция, была привилегией избранных и верноподанных. И конечно, Азарий Коджак был человеком своего времени, хотя и пытался его бежать. Именно поэтому его стилистика в форме и цвете зачастую вполне соответствует своему времени, как «Волга- ГАЗ-21» или «Победа». Франция, отделенная железным занавесом, была для него закрытой реальностью, но не отрезанной. Пикассо,

Fot. archiwum autora

Брак, Модильяни – это были его герои. Очень любил он пересматривать репродукции титанов эпохи Возрождения, особенно любил Паоло Учелло и Андреа Мантенья.

Он мне открыл скульптурные произведения Майоля и Бурделя, научил понимать значение силуэта и роль пространства в промежутках и так называемых дырах фигуры. В его архиве я нашел старые книги о Жаке Липшице и о других прекрасных скульпторах, произведения которых мне довелось увидеть во французской столице. Изучение формы и ее пластических особенностей всегда было основным делом его жизни. В начале XX века французские художники преуспели в этом как самые большие оригиналы.

Предосторожность и родной дом

В 40-е и 50-е годы было не принято выставлять напоказ свою приверженность западническим ценностям – вполне можно было попасть под обвинение в космополитизме и всем таком прочем. Азарий Коджак был человеком, сильно испуганным советской властью. Многих его друзей уничтожили и в революцию, и в 30 годы. Мать Азария – Сарра Осиповна – попала под зачистку Крыма от татар в 1944 году накануне

„Błękitne powietrze Paryża” – inspiracje sztuką francuską są dostrzegalne w wielu obrazach Kodzaka.

Fot. archiwum autora

По przejściu na emeryturę Kodżak zajął się tym, co dawało mu największą satysfakcję: malarstwem sztalugowym.

Ялтинской конференции «большой тройки». И хотя она была караимкой, а не татаркой, старушка оказалась выслана в Свердловскую область, а дом в Ялте реквизирован. Только настойчивость ее дочери Анны Федоровны способствовали вызволению матери из ссылки, а от дома осталась только купчая 1897 года. Карандашный портрет прабабушки Сарры Осиповны, исполненный другом Азария, Владимиром Семеновичем Чернецовым, висит у меня в квартире.

Дом, отнятый у семьи Коджаков, свой родной дом, Азарий часто рисовал. Он сделал много вариантов городского пейзажа под условным названием «Улочка в Аутке». Иногда этот дом мелькает в современном кинематографе, в частности в страшном антитоталитарном фильме «Водитель для Веры». Его характерный застекленный балкон на втором этаже нельзя не узнать. Когда я смотрел этот фильм, то вспоминал время, в котором жили мои предки. Жили и помалкивали.

Исторические обстоятельства

Перебирая работы Азария, сделанные в разные годы, невольно ловишь себя на том, что их датировка соответствует, а зачастую совершенно не соответствует историческим обстоятельствам. 1956 год – разоблачение культа Сталина, 1957 год –

падение с политического Олимпа маршала Жукова, а Коджак делает огромную серию обнаженных моделей. И будто бы и дела ему нет до того, что происходит на вершине политической жизни. 1969 год – советско-китайский конфликт возле острова Даманский, а Коджак увлечен серией цветных пейзажей, и кажется, его совершенно не волнует происходящее вокруг. За политикой Азарий следил, но политики сторонился. Было забавно наблюдать, как он слушает «Голос Америки», включив специальный наушник, который не позволял окружающим услышать, чем так заморожен слушатель.

Ни о каком восхищении товарищем Сталиным в доме Коджаков не могло быть и речи. Только страх. В перестройку была опубликована книга Бориса Ямпольского «Арбат – режимная улица», она очень точно передавала отношение Коджака к окружавшему миру. В каждом дворнике и прохожем он видел соглядатаю. Для него первым писателем, описавшим роль маленького человека в тоталитарном государстве, был немец Ганс Фаллада с его книгой «Каждый умирает в одиночку», которую рекомендовал мне прочитать ещё в подростковом возрасте.

До того как я начал общаться с дядей Азарием, его живопись и графика казались мне несколько скучноватыми, может быть, излишне серыми, лишенными блеска и парадности. Позже я понял, что делалось это сознательно. Вообще страстное желание избежать того, что нравится широкой публике, было его творческим кредо и по понятным причинам не сулило массового восхищения. Работы продавались плохо, заказов было мало и самым плодотворным можно считать время, когда Коджак, получив пенсию как член Союза художников СССР, стал заниматься тем, что ему было по душе – станковой живописью.

Рекомендация Фаворского

Упомянутая мною любовь к французскому искусству вовсе не означала, что русская живопись или культура были Коджаку чужды. Он восхищался Александром Ивановым, Врубелем, русскими иконами. Особенно близки ему были Павел Кузнецов и Крымов. Но, конечно, главным наставником его жизни был великий русский график Владимир Андреевич Фаворский, художник, создавший целое направление в отечественной графике, человек, который для художников его круга был эталоном и куми-

ром. Коджак был учеником Фаворского. В архиве я нашел рекомендательное письмо Коджаку, подписанное Владимиром Андреевичем, на вступление в Союз художников. Дядя Азарий рассказывал мне, что после окончания института в конце 20-х годов Фаворский привлек Коджака, погибшего на войне Игоря Полякова и Андрея Дмитриевича Гончарова для работы над художественным оформлением монументальных объектов в Москве, которые не дошли до наших дней.

Коджак любил вспоминать своего учителя. Он говорил о нем, как о человеке очень мудром, не обращавшем внимания на политическую конъюнктуру, которая далеко не всегда была к нему благосклонна. Это тоже было для Азария образцом для подражания. У нас в доме на стенах всегда висели гравюры Фаворского, сопровождавшие меня с раннего детства. На стене дачной лестницы на второй этаж перед глазами гравюра Фаворского «Квintет соль минор Д. Шостаковича», а дома – портрет Кутузова. С этими картинами соседствовала гравюра Голицына «Утро у Фаворского», которую я в детстве принимал за работу самого Фаворского. Она всегда вызывала самые смешные замечания моих друзей.

Только сейчас я понимаю высочайший вкус, пластику, композиционную законченность этих произведений, а в детстве они мне казались мрачными и слишком черными. Тогда я еще не знал, что Фаворский ушел в графику, потому что его отлучили от монументальной живописи за формализм.

В нашем доме с графикой Фаворского соседствовали живописные работы самого Азария. Маленькие вещи, исполненные цветными карандашами, пастелью или гуашью, изображавшие освещенный солнцем лес, поле, крымские кипарисы.

В лике его было все не от мира сего

Азарий Коджак, несомненно, был доброй душой, и поэтому в его картинах так много цвета, света и солнца, которыми он восхищался всю свою жизнь. Когда он увлеченно работал над портретом Блока, то нашел маленькую цитату из Марины Цветаевой о Блоке – «в лике его было все не от мира сего». Это сказано и о Коджаке. Весь его внешний облик выдавал в нем какую-то «нездешность». Немного отрешенный взгляд. Одежда с легким пижонством. Элегантные

вельветовые брюки придавали безусловно заграничный шик этому уже немолодому человеку. Неизменные светлые парусиновые кепочки и береты выдвигали в нем модника. (Супруга Азария была великолепной, перво-классной портнихой, известной в свое время половине Москвы. В ее архиве я нашел книгу «Моделирование одежды из клетчатых тканей», изданную Гизлегпромом в 1954 году, с дарственной надписью «Милой Елене Константиновне, моей талантливой ученице... от автора Л.М.Литвиной». По тем временам прямо-таки гламур!) Но самое главное в Азарии – черты лица, форма головы, взгляд были очень необычными, я бы сказал, скорее средиземноморскими, чем среднерусскими.

Последняя прижизненная фотография Азария. Черно-белая. На ней печальный усталый человек с грустными глазами задумчиво смотрит вдаль. О чем думает он? О скоротечности жизни? О том, как переменялся мир? Или о том, что будет после его смерти? Или о том, какая судьба ждет его многочисленные работы?

Петр Черемушкин

Перепечатка из "Независимой Газеты"
http://www.ng.ru/saturday/2007-11-16/20_kodzhak.html

Po śmierci malarza okazało się, jak wiele miejsca w jego twórczości zajmowały akty. Modelką do licznych studiów kobiecego ciała była żona, Lena Kuzniecowa.

Fot. archiwum autora